

**Пресс-конференция директора Института экономики переходного периода
Егора Гайдара в еженедельнике «Аргументы и Факты»
7 апреля 2004 года**

Ведущий: Сегодня в гостях у «АиФ» директор института экономики переходного периода доктор экономических наук Е.Т. Гайдар, а также Сергей Германович Синельников-Мурылев, заместитель директора института экономики переходного периода, также доктор наук.

Говорить будем об итогах и перспективах социально-экономического развития России. Пожалуйста, Егор Тимурович, Вы готовите ежегодные отчеты, и сейчас в краткой форме нам всем об этом расскажите.

Е.Т. Гайдар: Хорошо. Дорогие друзья, естественно я не буду пересказывать вам содержание очередного ежегодника, который лет 10 уже выпускает институт.

Несколько вступительных слов. Главная интрига 2003 года – это о, что в 2003 году не произошло. Если вы помните, на протяжении нескольких лет было сказано колоссальное количество слов и написано колоссальное количество статей о неминуемом кризисе 2003 года. Всем, кто хоть что-нибудь понимает в прогнозировании и экономике было понятно, что большая часть того, что говорится и пишется, мягко говоря, не соответствует действительности. Это тот случай, когда о несбывшихся прогнозах быстро забывают, а помнят только о сбывшихся. Ключевой вопрос политики последних лет – это был вопрос о том, удастся ли перейти от восстановительного роста, т.е. от того роста, который основан на вовлечение в действие ранее созданных мощностей к росту, основанному на инвестициях. Если вы помните дискуссии второй половины 2002 года, они все были посвящены проблемам того, почему затухают темпы роста. Они затухали потому, что восстановительный рост, он по своей природе затухает. В 2003 году, похоже, произошел переход. Возможно говорить еще крайне осторожно не только о самом ускорении темпов роста, но и о сочетании таких параметров, как резкий рост инвестиций, резкий рост производства машиностроительной продукции, резкий рост машиностроительного импорта, резкий рост машиностроительного экспорта. Все эти параметры, которые обычно ассоциируются с переходом к инвестиционному росту – они явно прослеживаются в 2003 году и по статистике в первых месяцах 2004 года. Похоже, что этот перелом произошел. Насколько он будет устойчивым? Этого сказать невозможно, но это вот важнейшее из того, что произошло. Интересная характерная черта 2003 года –

это отсутствие влияния избирательного цикла на бюджетную и денежную политику. У нас не было характерного для избирательных лет ослабления денежной политики в 2003 году. В чем избирательный цикл проявился, так это в явном замедлении структурных реформ в преддверии выборов, но это, в общем, вполне ожидаемая вещь. В довольно сложных условиях, потому что высокие цены на нефть создают достаточно сложностей для проведения денежной политики в России, также как и крайне низкие. В сложных условиях Центральному банку и Министерству Финансов удалось удержать основные ориентиры денежной и финансовой политики, добившись последовательного снижения инфляции на фоне не слишком высоких темпов реального укрепления рубля. Также помогла девальвация доллара по отношению к евро. Это был очень важный для нас позитивный фактор. Но надо сказать, что риски здесь не устранены. По-прежнему высокие цены на нефть в сочетании с потоками капитала делают задачу реального укрепления рубля, вместе со снижением инфляции очень непростой в этом году. Здесь не надо обманывать себя низкими темпами инфляции первых трех месяцев. Надо еще вспомнить, что все-таки это происходит на фоне отмены налога с продаж (НДС). Если явно быстрые, высокие темпы роста вынужденные, и попытки ЦБ решить эту проблему за счет номинального укрепления рубля, как можно предположить, имели весьма противоречивые результаты. Как в 1995 году: у нас ведь в централизованной экономике, где по-прежнему за курсом очень внимательно следят, реакция на номинальное укрепление рубля – это увеличение предложения валюты населению. Т.е. пытаюсь, на самом деле, решить проблему, ЦБ здесь сталкивается с реальностями, в которых он должен работать. Ключевой вопрос сейчас, разумеется, это перспективы второго цикла структурных экономических реформ, связанных со вторым становлением президента. И здесь надо учесть специфику второго срока президентства Владимира Владимировича Путина. У него сейчас свобода политического маневра беспрецедентная и неизмеримо большая, чем та, которая была в начале первого срока президентства по факторам, которые мне вряд ли имеет смысл в данной аудитории объяснять. Вместе с тем, если это последний срок его президентства, а, на мой взгляд, он совершенно искренен, когда говорит, что он не хочет менять конституцию, надо понять, что это сравнительно короткий срок, потому что вторая половина президентства неизбежно будет связана с решением политических проблем, в том числе с проблемой преемственности и власти. И это он тоже вполне откровенно сформулировал. Это значит, что сейчас можно сделать очень многое, но за очень короткое время.

В 2000 году ключевую роль в успехе важнейших реформ играло время. То, что их удалось сконцентрировать впервые даже не 100, а, если быть точным, 75 дней

президентства. Ключевые документы были внесены в Думу через день после назначения Михаила Михайловича Касьянова, максимум через два. В условиях второго президентства значение первых 100 дней огромно. Когда меняли правительство, до президентских выборов, в общем, так и было объяснено, что это было сделано для того, чтобы максимально эффективно использовать самые первые месяцы нового срока президентства. В какой степени это удастся сделать – посмотрим. Пока первые из тех реформ, которые будут, видимо, проведены – это продолжение реформ в налоговой области. Это самое простое, потому что это наработано. В общем, это в некотором смысле инерция того, что делалось раньше. Здесь было довольно длинное обсуждение, подробности которого я, при необходимости, могу рассказать, но только как ответ на вопрос. В целом же, выработано, на мой взгляд, довольно сбалансированное и полезное решение. Те приоритеты, которые в рабочем порядке готовились и готовятся сейчас, мне представляются разумными. Если в первый срок президентства основной упор был сделан, на радость многим другим, на налоговую реформу, то сейчас мы подошли к тому, что не было сделано почти совершенно: к реформе системы бюджетных расходов. Мы научились хуже лучше собирать налоги. Мы совершенно содержательно не знаем – мы знаем по бумагам, по бюджетной классификации, по данным казначейства – мы содержательно не знаем, на что тратим бюджетные деньги. И вот эта система: изменение самой организации бюджетных учреждений, изменение системы финансирования образования, здравоохранения, ликвидации не финансируемых мандатов – это, в общем, наряду с ипотекой, военной реформой, видимо, будет стержнем реформ следующего цикла экономических реформ. Здесь есть фундаментальная проблема: есть реформы простые, где ничего кроме политической воли не нужно. Ну, скажем, для того, чтобы 51 закон, которые мы несколько лет приостанавливали в бюджете отменить, если мы не можем финансировать, для этого нужно два часа времени и политическая воля. А есть законы технически очень сложные и реформы технически очень сложные. Разумно организовать реформу финансирования медицины – это технически очень сложный вопрос, который задевает систему медстраха, региональные финансы, федеральные финансы. Вот у меня такое ощущение, что сейчас с простыми реформами все будет хорошо, а вот сложные реформы, особенно на фоне смены правительства, они начинают пробуксовывать, мы начинаем терять время.

Дорогие друзья, я закончил свое вступительное слово и отвечу на ваши вопросы.

Вопрос: Если не ошибаюсь, сегодня годовщина подписания реформы электроэнергетики. Вот, хотелось бы выяснить, как Вы относитесь к этой реформе, что нам удалось сделать и чего нам не хватает.

Е.Т. Гайдар: на мой взгляд, в общем пока продвижение идет нормально. Много уважаемых мною квалифицированных людей подробно объясняли два года тому назад, почему реализовать план реформы электроэнергетики невозможно по правовым, организационным, политическим причинам и т.д. но так, как Анатолий Борисович неоднократно проводил некие мероприятия, которые все считали невозможными, я сказал, что у меня есть некие сомнения, потому что мне кажется, что как-нибудь удастся. Мне кажется, что пока все идет вполне прилично, и пока многие из, казалось бы, непреодолимых преград преодолены. Но здесь весь вопрос в сроках, конечно. Потому что либо у нас к 2006 году заработает рынок электроэнергетики, либо, боюсь, что все это будет опять на 2009 год. И вот, в связи с отсрочкой подписания сейчас ряда важнейших документов, понятно реформирование правительства, но, надо сказать, обидно.

Вопрос: Примерно год назад Вы говорили о реформе структур в социальной среде, говорили о необходимости изменения миграционной политики, говорили о необходимости изменений в пенсионной системе и реформе медицинского страхования. Не могли бы Вы сравнить то, что Вами предлагалось год назад и то, что сделано и предлагается сейчас. Ну, в частности, в пенсионной системе правительство планирует отсечь от накопительной системы людей, родившихся с 1953 по 1957 год. Как вот к этому замечательному конкретному предложению Вы относитесь?

Е.Т. Гайдар: Я отношусь к этому предложению достаточно осторожно. Мне не очень нравятся эти изменения. Т.е., скажем так, было много разумных наработок, в том числе в системе финансирования медицины, которые шли примерно в том направлении, которое мы и предлагали в прошлом году. Я очень рад, что после некоторых наших выступлений, наша позиция была поддержана президентом, который сказал о необходимости существенного изменения миграционного законодательства. Правда, там нужно не только изменения миграционного законодательства, там нужна большая, серьезная, позитивная организационная работа, которой я пока, надо сказать, не вижу. К предложенным изменениям по пенсионной системе я отношусь достаточно скептически. Там есть некоторые элементы того, что мы предлагали: это включение дополнительных добровольных составляющих. Это полезно. Но, вообще, мне кажется, есть конструкции, которые лучше не трясать. Вот мы сформировали некие контуры пенсионной системы. Это

ведь то, что должно действовать десятилетиями. Вы можете ее где-то легализовать. Вы можете предоставить гражданам дополнительные права. Но отнимать у них те права, которые Вы им дали? Мне кажется, это вещь стратегически неправильная.

- А по медицинскому страхованию, все-таки?

По медицинскому страхованию там были разумные наработки и есть разумные наработки. Шел процесс очень сложного деликатного согласования всего этого с регионами. Были подготовлены небесмысленные документы, хотя гораздо менее радикальные, чем то, что мы предлагали. Сейчас все это уперлось в согласование. Когда есть у вас несколько различных позиций экспертов, ведомств и т.д., всегда должен быть кто-то, кто принимает окончательное решение и говорит: «Так, я всех вас выслушал, а теперь давайте договоримся, что будет так, так и так. Все, вперед!». Так делаются реформы, никак иначе они не проводятся. Вот пока такого разговора не получилось.

- Я правильно понимаю, что все-таки есть пробуксовка по всем этим направлениям?

Да, совершенно правильно. Причем, пробуксовка на уровне согласований. Не то, чтобы неправильные вещи предлагаются, правильные вещи предлагаются. Никто не принимает окончательного решения.

Вопрос: Пользуясь случаем, не ответите ли Ходорковскому по статье, где прозвучали обвинения в адрес либеральных реформ 90-х годов, и в частности, Вас. И второй вопрос: чем вы можете объяснить, что начиная с 2001 года в обществе в разных слоях пошла острая критика либеральных реформ и сегодня мы пришли к равнодушию, даже среди тех людей, которые взяли все лучшее от либерализма и сегодня это отрицают?

Е.Т. Гайдар: Вы знаете, до вчерашнего дня я не мог комментировать то, что написано в статье Михаила Борисовича Ходорковского, потому что в соответствии с нашей традицией, комментировать то, что пишет человек, находящийся за решеткой, это не очень хорошо. Я, слава богу, знаю, что написали и подписали миллионы людей в нашей стране, находясь за решеткой. И теперь, когда Михаил Борисович сказал, что это не его статья, для меня это теперь статья группы товарищей мне неизвестных, которые ее написали. Теперь я могу с ней спорить. Должен сказать, что теперь по этому поводу я собираюсь написать большую статью, подробно. Теперь: если говорить коротко, я могу излагать Вам свое мнение по всем элементам этой статьи. Если говорить о существовании дела, о той картине мира, которая возникает в этой статье, ключевой ее элемент – это такое жесткое противопоставление плохих 90-х годов и хороших 2000-х. Ну, или там плохого

Ельцина и хорошего Путина. Ельцин со своими реформаторами проводил эти антинародные реформы, а вот теперь, когда сменилась власть, жизнь стала быстро налаживаться. Это интересная картина мира, только она никак не связана с реальными событиями, с реальным единым историческим процессом. Это очень здорово, когда у нас шесть лет растет рыночная экономика, основанная на частной собственности с конвертируемой валютой. Только для того, чтобы она у нас начала расти, сначала рыночная экономика в России должна появиться, должна появиться частная собственность и конвертируемая валюта. Но никаким чудом из осени 1991 года с обанкротившимся СССР, мировыми валютными резервами и быстро падающей экономикой, когда за один год добыча нефти падает у вас на 54 млн тонн, вы не перепрыгните в 1999, где у вас начинается экономический рост, начинают расти резервы. Для этого, к сожалению, надо было провести тяжелые болезненные реформы. Вот, на мой взгляд, отказ понимать – это главная проблема того видения мира, которое представлено в статье группы товарищей.

А отсюда уже следуют все частности: и отношение к реформам и т.д. Конечно, там есть безумное количество наивности. Проблему вкладов мне будут поминать по гроб жизни, это я понимаю. Я понимаю, насколько она серьезна для многих и многих людей. Пенсионеры абсолютно не обязаны разбираться в деталях денежной и бюджетной политики. Но «группа товарищей» могла бы прочитать хотя бы 20-30 книжек по этому поводу? Разобраться в том, что такое денежный навес? Это избыток денежной массы в условиях социализма, который порождает дефицит. Купить ничего нельзя. Узнать, что этот денежный навес на самом деле важнейшая проблема переходного периода? Что ни в одной социалистической стране бывшего СССР справиться с ним, сохранив сбережения, не удалось? Что возможности сохранения сбережений зависели от объема валютного резерва, от спроса на деньги, который зависел от отношения населения к рублю, который тогда назывался деревянным? А резервы валютного фонда были равны нулю. И рассказать, что в условиях, когда страна только что обанкротилась по сто миллиардному внешнему долгу можно решить эту проблему, выпустив государственные ценные бумаги на несколько сот миллиардов долларов – это просто даже не анекдот. Короче говоря, там, конечно, масса нелепиц, масса неточностей, но главное, там есть попытка противопоставить 90-е и 2000-е. И вот это, мне кажется, фундаментальная ошибка этой статьи.

Спасибо, но Вы так вскользь упомянули, как пишутся письма в застенках. Вы не исключаете, что через какие-то десятки лет всплывут страшные подробности о том, как содержали...

Ну, Вы меня обижаете. Для того, чтобы человек начал говорить в застенках не совсем то, что он думает, совсем не обязательно его пытаться.

Вопрос: Если бы Вы оказались на месте Фрадкова, насколько Вы сменили бы курс правительства и его приоритеты?

Е.Т. Гайдар: Собственно приоритеты правительства Фрадкова пока еще четко и определенно не заявлены, поэтому сказать, как бы я их изменил, невозможно. Были подготовлены, на мой взгляд, очень неплохие документы, которые сегодня обсуждаются. Это документы, связанные с реформой системы бюджетной сети. Они сейчас обсуждаются и они правильные. Правда, на мой взгляд, в избыточно компромиссном виде. Это документ, связанный с реформой финансирования медицины. Есть разумные предложения по реформе системы финансирования образования. Они тоже существуют, на мой взгляд, в избыточно компромиссном виде. Короче, на мой взгляд, общее направление, в целом, скорее, правильное. Моя озабоченность, скорее состоит в том, что из этого может быть сделано гораздо меньше, чем, вообще, хотелось бы. Я скажу так: направление в целом обозначено разумно, но другой темп и другая радикальность.

Вопрос: Возможен ли у нас, по Вашему мнению, реальный средний вариант с авторитарным государством и либеральной экономикой?

Е.Т. Гайдар: Вы знаете, мне приходилось обсуждать эту тему на протяжении многих-многих лет. Намного более десяти. Возможен ли в России такой вариант? Ну, в принципе, возможно многое, но крайне маловероятно. Дело в том, что многие вспоминают Пиночета, который был диктатором, но не коррумпированным диктатором, и проводил разумную экономическую политику. Но все забывают, что Пиночет был редким исключением. Подавляющее большинство диктаторов возглавляют крайне коррумпированные режимы, которые проводят достаточно безответственную политику. И почему мы предполагаем, что мы должны быть обязательно исключением, учитывая, что традиции коррупции глубоко укоренены в России, вообще для меня странно. Демократия не дает гарантий от коррупции, разумеется, но отсутствие демократии – это показывает весь опыт – оно дает гарантию широкому распространению коррупции.

Вопрос: Вы сказали, что в пенсионной системе не надо было трогать то, что было когда-то обещано. Значит ли это, что не следовало снижать ЕСН?

Е.Т. Гайдар: Знаете, была длинная дискуссия о том, насколько снижать ЕСН. И как это должно соотноситься с другими видами налогов, в том числе с увеличением НДС

и экспортных пошлин. Было предложение об очень радикальном снижении ЕСН, принятое на довольно высоком уровне на совещании. Тогда обратили внимание, что вырисовываются контуры реформы, основанные на гипотезе о возможности использовать кривую Лаффера. А вот по нашему глубокому убеждению реформировать налоговую систему, исходя из веры в кривую Лаффера – это прямой путь к авантюре. Тогда наша позиция была в следующем: давайте не верить в кривую Лаффера, давайте исходить из всех налоговых реформ. Т.е. на первом этапе никакого «выхода из тени» не будет. А дальше, если он будет, пусть это для нас будет приятным сюрпризом. Это мы говорили, честно говоря и тогда, когда предлагали снизить НДС до 18 %. Святое дело. Можно снижать. Тогда давайте думать о том, как компенсировать выпадающие потери, какие расходы снижать и т.д. если вы посмотрите статистику первых двух месяцев, конечно, по ней делать выводы рано, но никакого «выхода из тени» после снижения ставки НДС что-то я там не заметил. То, что было принято – это компромиссное решение. На мой взгляд, не лишнее некоторых рисков, но, по крайней мере, правительство пошло на них сознательно. Я бы, на самом деле, строил реформу, исходя из того, что не надо на самом деле менять элементы уже созданной системы. И тогда давайте посмотрим, до скольких процентов мы сможем снизить ЕСН или какими другими доходами мы сможем пополнить пенсионный фонд. Давайте делать все это с открытыми глазами. Сейчас это все намного лучше, чем то, что вырисовывалось месяц тому назад. Мне это кажется некоторым риском, но не авантюрой. Я бы уж точно накопительную систему для возраста 1953-1957 не трогал.

Вопрос: Мы сейчас говорили о том, что делается в реальности в российской экономике, а есть ли какие-то шаги, на Ваш взгляд, которые не делаются, но которые очень нужны? И прокомментируйте, пожалуйста, жилищную политику государства.

Е.Т. Гайдар: Первое, что из того, что очень важно, не делается. На самом деле все, что я сказал, не делается – это обсуждается. Пока обсуждается. Делаться будет тогда, когда будут приняты некоторые нормативные акты и начнется работа по их практической реализации. Пока же это рабочее обсуждение. Обсуждать ведь можно бесконечно, поэтому что что-то делается, я бы не сказал – готовится.

Если говорить о том, что не делается. Важнейшая вещь, которая не делается, это, конечно, серьезная административная реформа, потому что сокращение числа замов, это, на мой взгляд, может быть и правильный шаг. Я всегда хотел, чтобы у нас сократилось число замов, но это не надо смешивать с административной реформой. К тому же

известно, что количество замов в России – это циклическая такая величина, т.е. при формировании каждого правительства количество замов сокращается, а к концу его работы оно резко увеличивается. В какой степени это случится сейчас, конечно, будет видно. Но всерьез административная реформа – это, конечно, другое. Это резкое ограничение функций, это сокращение числа чиновников, это прозрачные процедуры, это повышение зарплаты чиновникам, которые остаются и т.п. Тут я небольшой судья правительству, потому что административная реформа – это одна из самых сложных реформ. Она – одна из абсолютно ключевых реформ. Никогда не будет нормально работать государство, если у него плохо работает, да еще и коррумпированный, государственный аппарат. Но это реформа, по поводу которой любой интеллигентный человек, разумно поработавший в аппарате или правительстве, может легко написать семь страниц разумного текста, как ее надо проводить. А для того, чтобы проводить, надо написать не семь страниц разумного текста, а 2000 нормативных документов по структурам. И сделать это без участия тех, кто работает в этих самых структурах, которые ты хочешь реформировать очень трудно или невозможно. А они отнюдь не хотят, чтобы их реформировали. И если говорить о той реформе, которая вызывает у меня огромные опасения, это, конечно, административная реформа. В связи с тем, что это очень важно.

В целом, мне кажется, что жилищная политика довольно разумна. Те решения, которые были приняты в прошлом году, очевидно, улучшили ситуацию. Я имею в виду переход к более адресному характеру льгот. Соответственно, это несколько снизило объем не финансируемых обязательств. В целом-то, ситуация там предельно простая. До тех пор, пока будет сохраняться разрыв между тем, что государство обещало и тем, что оно заплатило, а он пока сохраняется, до тех пор в этой области будет, мягко говоря, беспорядок. Потому что навести порядок в области, в которой кто-то обещал, а потом задолжал, невозможно, нерешимая задача. Не платишь, а потом говоришь, как там надо работать... Здесь, на мой взгляд, нужны более последовательные шаги. Скажи, сколько ты хочешь дать денег в эту отрасль, на эти деньги дай льготы. Не можешь дать денег – отмени льготы. Не можешь отменить льготы – дай денег.

А что касается законопроекта, который сейчас внесен в Госдуму и который в скором времени планируют обсуждать?

Вы имеете в виду в данном случае пакет законопроектов по социальным льготам?

Там не только, там и налоговые...

Нет, но налоговые я просто комментировал. Это то, о чем я говорил. А там действительно есть набор законов по социальным льготам. Это вещь правильная абсолютно. Вот мы в прошлые годы каждый год обсуждая бюджет, приостанавливали

набор законов, которые не обеспечены финансированием. Сначала было где-то 39 законов, потом 45, под конец работы Думы где-то 51 закон. Ведь в конце 80-х – начале 90-х годов было принято огромное количество популистских, абсолютно ничем не обеспеченных, никаким финансированием законов. В соответствии в бюджетным кодексом теперь каждый год в закон о бюджете сносятся соответствующие предложения, которыми эти законы отменяются. Но это создает беспорядок в законодательстве, потому что в одном законе прописано, сто человек это право имеет. В другом законе, законе о бюджете, прописано, что человек этого права не имеет. А какой закон важнее? Это решает суд, если гражданин туда подает. А кто знает как суд решит. Он может решить под влиянием самых разных факторов. В этой связи зачем нужно иметь 51 закон, который все равно государство не финансирует, объяснить нельзя. И много раз мы ставили этот вопрос. И обсуждали, что давайте мы скажем: «эти два-три закона мы, действительно, имеем возможность профинансировать». Или эти законы, но в меньших масштабах. А дальше, когда у нас будут деньги в бюджете, тогда мы будем их вводить в действие. Не будем путать людей, не будем их обманывать. Это абсолютно правильный шаг, разумный, но тяжелый политически. Так что движение в этом направлении мне кажется крайне полезным.

Вопрос: Скажите, как Вы относитесь к введению того, что называют рентой?

Е.Т. Гайдар: Надо вспомнить, что мы ввели в прошлый президентский срок довольно радикальную реформу налогообложения рентных доходов, а НДСП – это рента по всем определениям, которая оказалась крайне эффективной. Мы получили от реформы дополнительно примерно 8 млрд долларов в год. И это был правильный шаг мы провели подробное исследование в прошлом году состояния нефтяной отрасли. Причем по всей цепочке, включая нефтепереработку, реализацию нефтепродукта, экспортную внутреннюю составляющую, перспективы и т.д. Пришли к выводу, что в целом без ущерба для развития отрасли, т.е. с тем, что она сохраняет нынешние масштабы и темпы прироста инвестиций, с тем, что мы выходим на 500 млн тонн добычи к 2010 году, можно дополнительно, при цене в районе 22 долларов за баррель, изымать из отрасли примерно от 90 до 120 млрд рублей. И эти предложения мы, собственно, сформулировали, проинформировали о них и Министерство Финансов, и правительство, и Кремль. Если вы помните, ну, разумеется, это не те 20 млрд, о которых можно было говорить во время предвыборной кампании и которые должны были решить все наши проблемы. Это довольно серьезные деньги и вот такой шаг, абсолютно разумный, полезен для страны и

для отрасли. Если вы помните, президент Путин говорил о 3 млрд долларов, которые можно было бы изъять из отрасли. Я думаю, что это разумная цена. 3-4, на наш взгляд.

Те предложения, которые сейчас вносит правительство, чуть более осторожны. Нет, естественно, они всегда сценарны, потому что речь идет о том, при каких ценах мы обсуждаем эту тему, там же ступенчатая шкала. Но они так примерно вдвое более осторожны, чем наши предложения. На мой взгляд, можно было бы, обсуждая проблемы ЕНСН, сделать еще шаг вперед.

Вопрос: Есть ли какая-то норма для доли налоговых доходов в бюджете по опыту других стран...

Е.Т. Гайдар: Вы спрашивали, какая часть из общих доходов государства должна быть налоговая, какая неналоговая? Ну, такой общей нормы не существует, но, в целом, то, что у нас сейчас есть, это похоже на то, что характерно для большинства стран. Всегда налоговые доходы далеко доминируют в составе общих государственных доходов. Есть всегда проблема доходов от государственной собственности, естественно, эта тема регулярно обсуждалась. И, наверное, есть возможности дальнейшего роста. Кстати, в последнее время они начали увеличиваться, если брать их не в доле, где-то 3 % ВВП. Но надо учесть, что государственный сектор – это не самый эффективный сектор государственной экономики. Очень часто, причем во многих странах, государственный сектор это не то, что приносит доходы, а то, что приносит убытки. И если у нас государственный сектор не будет приносить нам убытков, это само по себе будет уже очень неплохо. Развитых стран, в которых неналоговые доходы доминируют – не существует.

Вопрос: Скажите, пожалуйста, с точки зрения доктора экономических наук теоретически вообще возможно в какой-либо стране за 3-4 года уменьшить число бедных граждан. И конкретно в условиях нашей страны, и о каком времени тогда можно говорить, и какова, на Ваш взгляд, борьбой с бедными и борьбой с бедностью?

Е.Т. Гайдар: Кого считать бедными – это вообще один из самых сложных и деликатных вопросов в мировой литературе по социальной проблематике. Есть много различных определений бедности, и есть такие определения, при которых вообще это невозможно сделать. Это те определения, которые считают бедными тех, кто получает меньше N , где N - среднее. Если говорить о бедных в нашем определении, то, в принципе, решить эту задачу в некоторых сценариях, крайне благоприятных, можно, хотя у меня это,

надо сказать, вызывает большие сомнения. Вот что здесь приятно, в отличие от задачи удвоения ВВП, ставить такие задачи в любом случае не вредно. Стремиться к тому, чтобы сократить число бедных, без всякого сомнения, можно, нужно и вреда от этого никакого не будет. Ясно, что очевидные шаги, которые можно сделать в этом направлении и которые давным-давно обсуждались, уж точно никому не навредят. Это переход от категориальных льгот к собственно адресной политике. Категориальные льготы – это когда мы их предоставляем, скажем, всем пенсионерам и всем ветеранам к ситуации, когда мы поддерживаем тех пенсионеров, которые являются бедными. Эта тематика обсуждалась многократно. То, что для снижения бедности это самый прямой и самый эффективный путь – это абсолютно известно и очевидно. И то, что можно существенно снизить бедность за счет просто проведения такой реформы в любом случае очевидно. Другое дело, что подобного рода реформы, они всегда тяжелы, ведь надо учесть, что бедные – это не самое сильное политическое лобби. Попробуйте, отмените категориальные северные льготы, оставьте их только для бедных, а те деньги, которые будут сэкономлены, направьте на помощь бедным других регионов. Проведите это решение политически. И таких решений можно провести много для того, чтобы всерьез сократить уровень бедности.

С.Г. Синельников-Мурылев: Есть еще один аспект. Ведь можно работать с помощью трансфертов, скажем, меняя одни льготы, вводя льготы. Когда количество льгот увеличивается, количество бедных обычно уменьшается. Вот еще один вопрос. Мы, например, в институте посчитали, что после того, как была проведена реформа подоходного налога, которая, казалось бы, должна была внешне ущемить бедных. Но на самом деле произошел обратный эффект тому, который казался очевидным: на бедности сказалось это в лучшую сторону. Бедных стало меньше. Почему, потому, что этот плоский налог стал перераспределять доходы, т.е. посленалоговые доходы у богатых стали меньше, а у бедных больше. Почему так произошло, потому что вышли некоторые доходы как у нас сейчас принято говорить «из тени», и стали облагаться налогом, а раньше они не облагались им вовсе. Вот тоже мера, которая привела к определенным положительным достижениям.

Вопрос: Как Вы видите перспективы развития отрасли высоких технологий (а здесь Россия отстает от других государств), и конкурентоспособность российских технологий? А также что Вы думаете по поводу слов Грефа: «Мы должны участвовать в мировой экономике мозгами, а не руками»?

Е.Т. Гайдар: Я считаю, что стратегически высокий уровень образования – это важнейшее структурное преимущество России. Наши основные конкурентные преимущества существенно отличаются от тех, которые характерны для Китая, скажем, и стран Восточной Азии. Они часто лежат ниже, т.е. в отраслях с высокой ресурсоемкостью или просто связанных с добычей полезных ископаемых. Частично лежат выше, в области все-таки очень прилично поставленного, в первую очередь технического, математического и физического образования. Традиции эти сохранились, и они не были утрачены за время переходного периода. Другое дело, что правительство Касьянова после долгих дискуссий сознательно отказалось от попытки выбора структурных приоритетов, в том смысле, что это структурные приоритеты, за которые дают деньги. Или дают налоговые льготы. Сосредоточившись на тех предпосылках, которые необходимы для развития всей экономики в целом, в том числе тех секторов, где у нас есть преимущества. И мне кажется, что это подход правильный. Я не верю в выбор победителей, особенно когда речь идет о стадии постиндустриального развития. А когда мы говорим о высоких технологиях, это, в общем, мы говорим о постиндустриальных задачах. Если можно спорить о том, как у кого получалась промышленная политика и насколько она была эффективна в эпоху раннеиндустриальной и среднеиндустриальной стадии, то вот я примеров эффективной отраслевой политики на уровне постиндустриального развития, честно говоря, с трудом могу припомнить. И особенно не верю я в это в условиях нашей страны, потому что знаю как принимаются решения. Знаю, что решения будут приниматься не исходя из соображений неполитических, а исходя из того, кто сумеет более громко доказать, что его институт, предприятие, регион должен быть пробивным в развитии высоких технологий. А тогда это совсем неэффективно. Я думаю, что здесь не надо суетиться, надо продолжать примерно то же, что и делалось в последние годы. Надо создавать предпосылки устойчивого экономического роста не только в сырьевых отраслях.

Вопрос: Как Вы думаете, возможно ли складывание, скажем, на основе комитета 2008 года новой либеральной коалиции в качестве либеральной партии. И в этой связи, есть ли на политическом небе России фигура, которая могла бы стать знаменем тех 17-20 % российских граждан, которые однозначно поддерживают курс либеральных реформ.

Е.Т. Гайдар: Я не могу сказать о том, сложится ли это на базе комитета 2008 года. То, что, конечно, в России необходимо серьезное переформирование той части политического спектра, которая связана с либеральными убеждениями – это совершенно

очевидно. Этот процесс будет идти, идти он будет непросто. Не думаю, что это случится в ближайшие месяцы. Я напомню, что в 1995 году после поражения демвыбора России тоже была масса рассуждений о крахе российского либерализма...

Я думаю, что вот такой же процесс реструктурирования и выдвижения новых фигур, он обязательно пойдет в ближайшие годы. И я думаю, что он будет успешным. Что касается фигуры, я не могу ее назвать. Она возникнет.

Вопрос: Дайте оценку внутренним и внешним вкладам в ВВП...

Е.Т. Гайдар: Последнее время доля внутренних источников увеличения ВВП очевидна, но это все зависит от методики счета. Считать там 53% - 47%, ну это просто полная ерунда. Что касается удвоения ВВП. Я высказывался на эту тему неоднократно. Я ничего не имею против удвоения ВВП. Я за удвоение ВВП. Я буду очень рад, если ВВП удвоится. Я даже понимаю, что президент должен ставить такие амбициозные задачи. Я против только одного единственного и очень всегда уговариваю всех своих коллег, которые работают в правительстве это помнить. Можно стремиться к удвоению ВВП, можно даже сказать, что застрелишься, если ВВП не удвоится. Чего нельзя делать, так это включать подобного рода гипотезы в бюджетный процесс. Когда у вас в результате выяснится, что выпадают доходы на 100 млрд рублей, вам надо будет опять после этого задерживать выплаты денежного довольствия военнослужащим, врачам, учителям, тогда будет ясно, в чем риски. Поэтому здесь всегда можно сочетать очень серьезные задачи с консервативным бюджетным планированием.

Вопрос: Опять растут задолженности по зарплате и как это объяснить на фоне роста доходов?

Е.Т. Гайдар: Именно на фоне роста доходов и можно объяснить. Потому что была проведена большая индексация и везде она была подкреплена бюджетными ресурсами. Это то, о чем я говорил.

Вопрос: Немножко не по теме, но хотелось бы узнать Ваше отношение к иску фирмы Noga к России.

Е.Т. Гайдар: Ужасная совершенно история. Это период такого вот полного беспорядка во время позднего СССР. Я там не буду называть людей, но тогда последнее союзное правительство, как-то там оно называлось: временный комитет по управлению и т.д. подписал бумагу. Бумагу совершенно дичайшую. Подписать ее в нормальной ситуации совершенно невозможно. Бумагу, по которой у нас был какой-то бартерный

контракт, где мы должны были поставлять какие-то бартерные ресурсы, включая нефть, а они нам за это должны были поставлять продовольствие. Это, по-моему, был октябрь 1991 года. В какой-то степени извиняющим для тех, кто подписал этот контракт было, конечно, катастрофическое на тот момент состояние с поставками продовольствия, со снабжением. Документ был составлен безумно с юридической точки зрения. Это был один единственный документ, где мы отказались от своего государственного суверенитета, чего не делали никогда и ни при каких обстоятельствах, ни потом, ни до этого. Документ был составлен так, что там учет был не налажен совершенно. Не понятно, какими документами должны были подкрепляться поставки. Дальше была полная путаница с тем, кто и что кому поставил, и здесь советское правительство нас как наследников подставило довольно сильно. С юридической точки зрения наша позиция небезупречна, а отдавать много денег непонятно за что не хочется. Деталей я не знаю.

Вопрос: Вчера на конференции Александр Жуков заявил, что сегодня в России созданы все условия для развития малого и среднего предпринимательства. Тем не менее? административное давление остается огромным. Как вы считаете, в чем проблема, почему малый бизнес не развивается так, как в других странах?

Е.Т. Гайдар: Вы, собственно, и назвали главную проблему. Понимаете, малый бизнес это то, что в первую очередь имеет дело с чиновником невысокого ранга. И когда, и если это общение связано с тем, что чиновник приходит и говорит сколько надо дать ему денег, но у развития малого бизнеса возникают проблемы. На самом деле, ключ к подъему малого бизнеса – это административная реформа, о которой мы говорили. Это одна из самых сложных реформ. Там можно, конечно, пойти дальше. Был пакет по дерегулированию, который был разработан в Министерстве экономического развития, и пока он проходил, в него была внесена куча компромиссов. Если вернуться к первоначальным вариантам этого, и убрать все эти компромиссы, это все равно будет некий шагок в сторону улучшения базы для развития малого бизнеса. Но надо сказать, что это именно та сфера, где законодательство – необходимая предпосылка, но абсолютно не гарантия решения проблем.

Ведущий: Спасибо, это был последний вопрос. Мы благодарим Егора Тимуровича, и мы будем с нетерпением ждать итоги 2004 года

Е.Т. Гайдар: Спасибо